

ПРАВО

УДК 343.91, 343.953

H.T. Ведерников, Р.Л. Ахмедшин, Н.В. Ахмедшина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ, ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Раскрывается комплекс проблем теоретической направленности существующих в сфере криминалистического профилирования – моделирования поведения преступника по следам преступления. Диапазон проблем затрагивает процессуальный, методологический, тактико-криминалистический, методико-криминалистический и психологический аспекты. Результатом проведенного исследования выступил мотивированный перечень обстоятельств, решение которых позволить противодействовать серийным преступлениям с помощью криминалистических приемов.

Ключевые слова: серийный преступник; серийные преступления; криминалистическое профилирование; доказательство.

«Обыватель имеет мистические представления о силе приемов научного расследования преступления и готов принимать практически любые заявления, что наука на это способна» [1. С. 149]. Однако любая прикладная методика, и методика криминалистического профилирования не исключение, имеет ряд проблем теоретической природы. На наш взгляд, ранжирование проблем по их значимости и сложности приведет к формированию следующего списка:

- проблема отграничения предмета исследования от схожих исследований;
- проблема методологического обеспечения;
- проблема доказательственной ценности результатов профилирования;
- проблема адаптации в криминалистику психологического знания;
- проблема репрезентативности данных о серийных преступниках.

Проблема отграничения предмета исследования от схожих исследований. Как это ни странно, но отечественная криминалистическая (как и любая правовая) наука, столь тщательно исследующая феномен предмета научного познания в каждом конкретном случае, при исследовании серийных преступлений не замечает тот клубок разнородных феноменов, который разные исследователи определяют как «серийный преступник». Выделим основные содержательные элементы природы серийного преступника, объективно способствующее ИСПОЛЬЗОВАНИЮ знания о них в процессе криминалистического профилирования:

1. Так как понятие «множественность» твердо ассоциируется с уголовно-правовыми феноменами, при криминалистическом исследовании целесообразно прибегать не к нему, а к понятию «многоэпизодность». Понятно, что признавать синонимами «множественность» и «многоэпизодность» не следует.

2. Под многоэпизодными преступлениями следует понимать несколько однородных (или тождественных) или разнородных преступлений, совершенных в разное время лицом или группой лиц, за которые эти лица ранее не привлекались к уголовной ответственности.

3. Понятие «серийные преступления» более узкое, чем понятие «многоэпизодные преступления».

4. Серийные преступления – это не просто последовательность, это соединенная чем-то последовательность. И именно фантазия серийного преступника и есть тот фактор, который сцепляет, соединяет все эпизоды преступной серии.

5. Таким образом, серийный преступник – это лицо, совершившее три и более преступления, которые разделены между собой периодами эмоционального покоя, связанных между собой стремлением лица обратить психотравмирующую ситуацию в свою пользу.

Научный плюрализм – это, без сомнения, позитивное начало, предопределяющее саму возможность научного развития. Однако включение разноприродных объектов в предмет одного исследования – это методологическая ошибка, которая обусловит неконкретный, абстрактный вывод, проистекающей из разной природы исследуемых объектов (чем сильнее отличаются объекты, тем более абстрактный вывод последует). В самом деле, либо все серийные преступления, имея схожую природу, могут быть расследованы в рамках одного достаточно детального алгоритма, либо природа объектов, включаемых в группу «серийные преступления», различна, и расследованы по единому алгоритму они быть не могут. Но кто рискнет сформировать рекомендации по расследованию серийных преступлений, включающих серийные секулярные убийства, серийные поджоги и серийные грабежи, да еще имеющие и групповую [2. С. 14] природу?

Представляется, что в списке теоретических проблем криминалистического профилирования проблема отграничения предмета исследования от схожих исследований наиболее актуальная и подлежит приоритетному решению.

Проблема методологического обеспечения криминалистического профилирования. Отечественная криминалистическая и криминологическая мысль традиционно считается ориентированной на теоретическое обоснование исследуемых феноменов как основного вектора, даже порой в ущерб практической

ценности получаемых результатов. Методологические исследования традиционно подаются как преимущество отечественных наук о преступлениях и борьбе с ними. Стойкая система общеначальных, частнонаучных и специальных криминалистических методов в рамках общетеоретических построений завораживает своей красотой и исчерпываемостью. Однако часто при рассмотрении конкретных вопросов методологическое обеспечение системностью не отличается.

Сразу отметим, что мы далеки от мнения о том, что «российская криминалистика отстает в своем развитии от других общественных и гуманитарных наук, которые уже взяли на вооружение новые методы и принципы постнеклассической науки» [3. С. 8]. Речь идет о не совсем рациональной постановке методологических акцентов при криминалистическом исследовании личности.

Так, криминалистическое исследование личности традиционно опирается на метод наблюдения и метод обобщения независимых характеристик (анализ уголовного дела). Помимо названных, криминалистика использует криминологические данные о личности преступника, полученные, как правило, с помощью группы социологических методов. По мнению В.Л. Юаня, целесообразно выделять две группы методов.

Методы группы А. Опосредованные методы, в которых между сведениями о личности преступника и следователем находятся другие лица. Сюда включаются такие методы, как опрос информированных лиц и анализ характеристик личности исследуемого лица. Методы данной группы объединяет наличие оценок, характеристик и суждений со стороны других лиц, которые в разной степени искажают исходные факты о личности преступника.

Методы группы Б. Непосредственные методы, в которых источниками происхождения являются зафиксированные факты или реальная действительность. Сюда относятся такие методы, как наблюдение за личностью преступника и анализ уголовного дела. Характерная особенность методов данной группы заключается в отсутствии между источниками информации и следователем оценок других лиц, уменьшающих практическую ценность полученных данных [4. С. 274–275].

Понятно, что методы первой группы в значительной степени субъективны, хотя и не требуют, на первый взгляд, специальных познаний в области наук о человеке. Методы же второй группы очень плохо алгоритмизируются, особенно в области алгоритмов анализа материалов уголовного дела, и представляют из себя в значительной степени «познавательную рулетку».

Группа же социологических методов ориентирована на получение обобщенных материалов, в том числе и в отношении личности преступника. Социологические методы хороши в отношении значительных по объему и количеству собранного материала групп лиц. Социологический подход нашел в криминалистике совершенно адекватное отображение в рамках такого информационного блока, как «криминалистическая характеристика преступлений». Таким

образом, социологические методы вполне адекватно применимы при исследовании, скажем, квартирных краж или бытовых убийств. В случае же исследования уникальных групп преступников мы получаем крайне абстрактную, а порой преисполненную вполне бытовыми размышлениями методику расследования преступлений. Например, методику расследования террористических актов, методику расследования заказных убийств (кроме бытовых заказных убийств) или методику расследования содействия террористической деятельности, которую не выделяют даже на уровне самостоятельной методики расследования.

Для нашей работы значимо утверждение, что даже будучи обобщенными, результаты использования всех трех групп методов (опосредованные, непосредственные, социологические) очень слабо ориентированы на моделирование личности конкретного преступника. Неудивительно, что исследования, посвященные методике криминалистического профилирования, традиционно или преисполнены общих рекомендаций, или являются прямым заимствованием зарубежных исследований. Это объективно, так как в основе методики криминалистического профилирования лежит метод, в наименьшей степени исследованный в отечественной науке о расследовании преступлений. Речь идет о методе биографического анализа.

Совершенно несправедливым будет утверждение о том, что названный метод совершенно обойден отечественными исследователями-криминалистами. Так, Н.Т. Веденников указывает на то, что биографический метод «является наиболее доступным и, можно сказать, обязательным в отношении большинства участников расследования преступления: обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, экспертов и т.д.» [5. С. 240]. Мало того, основатель томской криминалистической школы напрямую указывал, что биографический метод не просто актуален для криминалистического исследования личности, но в силу своей системности обеспечивает возможность сбора сведений о жизни лица в хронологическом порядке, что позволяет определить давность формирования тех или иных ценностей и принципов, тем самым дает возможность выстроить их иерархию [Там же].

Ценность этапа сбора биографической информации и сведений из биографии исследуемого отечественными учеными не отрицается. Однако алгоритмов анализа полученной информации, трактовки биографических фактов, составляющих содержание второго этапа использования биографического метода – этапа биографического анализа полученного материала, на данный момент не разработано. А ведь именно на данном этапе должен решаться вопрос о логике и содержании толкования полученных сведений. Сущность второго этапа заключается в построении выводов посредством сопоставления данных между собой, анализа и выдвижения гипотез о наличии либо отсутствии тех или иных криминалистически значимых качеств, черт и свойств личности, а также степень их выраженности и иные параметры [4. С. 113–114].

Значительное количество авторов, рассматривая проблему методологического обеспечения криминалистического исследования личности, ограничивают-

ся упоминанием или кратким описанием метода биографического анализа, оставляя за скобками его содержательную характеристику, перспективы использования и проблематику. Серьезных криминалистических исследований алгоритмов трактовки биографических фактов в отечественной криминалистике на сегодняшний день явно недостаточно, хотя утверждать, что они отсутствуют, полностью нельзя [6. С. 54–55; 7. С. 112–113]. То же касается и исследований криминологических. Отечественные исследователи тяготеют к анализу статистических данных, а не жизненного пути преступника. С одной стороны, это внешне объективно, с другой – энергонезатратно. Проще просмотреть материалы одного уголовного дела, или тем более обобщённые статистические данные по криминалистически значимому параметру, нежели выяснить тонкости жизненного пути, постоянно отсеивая неправдоподобные факты и не допуская субъективизма в их трактовке.

Тот факт, что методика построения психологического профиля неизвестного преступника была разработана и эффективно внедрена в практику расследования, во многом обусловлено ставкой на биографический метод исследования личности преступника, культивируемый в ангlosаксонской криминалистике. И это обстоятельство не могло сгладить даже методологическая детализированность исследований, свойственная криминалистике отечественной.

Зарубежные исследования часто выступают в виде биографического анализа личности конкретного преступника [8], что фактически не характерно для отечественных научных исследований. Биографии жизненного пути конкретных преступников в нашей стране – это удел творчества публицистов, далеких от сферы расследования. Биографические факты избыточно многообразны, как количественно, так и качественно (содержательно), поэтому проведение исследований с помощью социологических методов в отношении немногочисленных групп неэффективно.

Биография личности – это наиболее богатый источник криминалистически значимых данных о нем [9. С. 127], а значит, отечественной науке о расследовании преступлений необходимо признать актуальными исследования в области оптимизации такого методологического инструментария криминалистического анализа личности преступника, как биографический метод.

Биографический метод – крайне сложный инструмент для применения, ведь очень часто он вторгается в область стереотипов. Так, например, исходя из советской традиции устройства системы образования, мы до сих пор полагаем, что факт наличия у человека высшего образования позволяет судить о присущих ему познаниях и навыках, в то время как традиции современного образования (ЕГЭ, дистанционная и заочная форма образования, несбалансированная до абсурдности в содержании учебных программ магистратура) ставят под сомнение объективность такой трактовки. Представляется, что именно криминалистика как наука о РЕАЛИЯХ права, если несколько расширить формулировку Г. Гросса, способна ввести в методологический аппарат правовых наук обнов-

ленный и адаптированный под современную реальность метод познания личности – метод биографического анализа.

Проблема доказательственной ценности результатов профилирования. Серьезным стимулом проведения исследований, в том числе криминалистических, является уверенность в последующей интеграции полученных результатов в практику, в нашем случае в практику расследования преступлений. Речь идет не о тщеславии исследователя, а скорее о финансировании проводимых исследований. Не секрет, что грантовая природа стимулирования интереса к научным разработкам в значительной степени предопределяет их эффективность. В отношении криминалистических исследований можно утверждать, что чем в большей степени они ориентированы на признаваемую высокую доказательственную ценность, тем интенсивнее они проводятся (ценность экспертного заключения в этом плане *de facto* выше, чем ценность заключения специалиста).

Проблема криминалистического профилирования, имеющаяся в отечественной криминалистической науке, это убежденность в том, что «на настоящем этапе становления и развития метода разработки психолого-криминалистического портрета предполагаемого преступника нельзя признать его, даже при наличии весьма многих взаимосвязей, одним из видов судебно-психологической экспертизы» [10. С. 70]. К сожалению, данная убежденность не может быть списана на давность лет, на слабое знакомство научной общественности с рассматриваемой методикой в начале века, так как на данный момент ситуация не изменилась и в силу «новизны указанной методики для отечественной практики расследования преступлений говорить о сформированности системы ее положений на сегодняшний день преждевременно» [11. С. 179].

Научное познание базируется на аксиоме о необходимости постоянного развития, которая включает не только потребность в познании новых истин в результате собственных исследований, но и в оптимизации для своих нужд знаний смежных отраслей наук.

Методика построения психологического профиля основана на поведенческом анализе следов преступления, результатом которого является вероятностное моделирование психологически значимых характеристик неизвестного лица, совершившего преступление.

Однако в данный момент в отечественной правовой науке возникла дискуссия о том, можно ли признавать составленный психологический профиль как заключение эксперта или ему должно отводиться несколько более скромное (в доказательственном плане) место. Разумеется, сторонники первого подхода настаивают на том, что составление психологического профиля неизвестного преступника должно являться предметом судебно-психологической экспертизы. Сторонники второго подхода традиционно категоричны, но убедительных содержательных аргументов ими не проводится, а уровень аргументации характеризуется в основном высказываниями общего плана.

На наш взгляд, возникновение нового вида судебно-психологической экспертизы (как и любой другой)

зависит от того, обладает ли она требованием ценности и объективности. В понятие ценности мы включаем отсутствие существующих альтернативных методик, позволяющих разрешать вопросы, поставленные перед экспертом. Естественно, в понятие ценности входит существование потребности разрешения подобных вопросов.

Рассмотрим соответствие указанной методики требованию объективности, которое, на наш взгляд, включает наличие научно обоснованной теоретической базы и факты, подтверждающие эффективность теоретических построений на практике. Методика построения психологического профиля основана на принципах психоанализа и бихевиористики. Основные положения указанных теоретических подходов если и не получили полноценного теоретического обоснования, то блестяще подтвердили свою эффективность в сфере судебно-психологической экспертизы. Так, невозможно представить эксперта-психолога, который отказался бы от применения таких методик, как цветовой тест М. Люшера, методики ТАТ, рисуночного теста фruстраций Розенцвейга, социометрического теста Дж. Морено, неоконченных предложений Сакса Леви, семантического дифференциала Осгуда. А ведь во всех этих методиках в основу положено психоаналитическое учение о механизмах защиты (например, о вытеснении, проекции, замещении, переносе). Скажем больше, даже такая распространенная методика судебно-психологической экспертизы, как Миннесотский многофакторный опросник личности, включает в свои вопросы элементы проекции, а ведь это методика в большей степени анкетная.

Вывод напрашивается сам собой: экспертная практика идет по пути рецепции положений психоаналитической и бихевиористской школы, так как это значительно обогащает методический арсенал судебно-психологических экспертиз.

С учетом сказанного теоретическую обоснованность методики построения психологического профиля (насколько это возможно для психологической методики) мы считаем фактом неоспоримым. Что же касается использования результатов указанной методики в мировой практике расследования преступлений, то они более чем впечатляющие.

Вышесказанное свидетельствует о том, что методика построения психологического профиля неизвестного преступника в целом соответствует двум основным краеугольным требованиям предмета судебно-психологической экспертизы.

Рассмотрим иные дискуссионные аспекты методики построения психологического профиля. Так, объектом для критики указанной методики является вероятностный характер вывода. Действительно, это так. Однако здесь следует отметить, что ни один вид судебной экспертизы не может претендовать на сто процентную истинность, ведь «мы должны признать, что заключение, производное от научного метода, приносит нам только наиболее вероятные результаты» [12. С. 22]. Если бы подобная объективность имела место, не было бы необходимости в судебном заседании, во всяком случае в той его части, где подвергается анализу факт события.

В отечественной литературе уже неоднократно отмечалось, что позиция противников вероятного заключения эксперта ошибочна. Действительно ч. 4 ст. 302 УПК РФ говорит о том, что «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств». Однако законодатель говорит о предположениях, а не о вероятностях, о чём и в литературе [13. С. 259], и в разъяснениях Конституционного суда РФ [14] уже речь шла неоднократно.

К видам судебно-психологической экспертизы, объективно ориентированным на вероятностный результат, мы можем смело отнести судебно-психологическую экспертизу способности несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии в полной мере осознавать характер и опасность своих действий или руководить ими, а также посмертную судебно-психологическую экспертизу. Как видно из приведенных примеров, вероятностный характер вывода экспертизы не может быть признан достаточным основанием для непризнания ее доказательственного статуса. Следующим уязвимым для критики является положение о том, что судебно-психологическая экспертиза по установлению психологического профиля неизвестного преступника способна дать только общеродовой вывод о личности преступника. Не называя конкретного имени, указанная методика на выходе определяет группу признаков, характерных не только для лиц, совершивших преступление. Является ли это достаточным основанием для сомнения в ценности рассматриваемой методики? На наш взгляд, ответ однозначно отрицательный, так как существует большое количество видов экспертиз, которые характеризуются общеродовыми выводами. Например, к подобного рода экспертизам относится автороведческая экспертиза, способная определить некоторые характеристики автора текста, однако подобными характеристиками обладает достаточно значимое количество лиц. Вероятностную природу (кстати, если судить по мнению специалистов – очень небольшую) носят результаты экспертных исследований даже в области технико-криминалистического исследования документов (например, установление абсолютной давности его составления), да и традиционное исследование почерка с методологической точки зрения не безусловно [15. С. 344–345]. То же самое можно сказать и в отношении методики установления времени смерти в рамках судебно-медицинской экспертизы.

Экспертное исследование объективно предполагает элиминацию (устранение) субъекта, т.е. отстраненность эксперта от своих личностных характеристик, мировоззренческих ориентаций, шкалы ценностей. Подобное объективно крайне редко можно наблюдать в судебно-лингвистической экспертизе экстремистских материалов. Слабую выраженную элиминационного фактора можно встретить в практике проведения судебно-психиатрической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Однако разве это

служит основанием для сомнения в самой возможности экспертных исследований в заявленных областях?

В целом давно известное в теории доказывания, в экспертной и судебной практике ФРГ распространение мнение, что эксперт может давать свое заключение только в вероятной форме [16. С. 81], стало находить понимание и в отечественной криминалистике [13. С. 260]. Таким образом, возможно, неаргументированное нежелание признавать методику построения психологической профиля экспертной исследовательской методикой, вероятно, будет пересмотрено.

Отдельно отметим широко известные, но от этого не ставшие общепризнанными положения, предопределяющие доказательственную ценность рассматриваемой методики в контексте проблемы доказательств поведения в системе косвенных доказательств. Доказываемые по уголовному делу обстоятельства при соблюдении ряда условий выступают в качестве доказательств – прямых или косвенных. «Основанием этого деления является различие в структуре процесса обоснования доказываемого обстоятельства» [17. С. 268]. Прямыми доказательством называют доказательство, непосредственно устанавливающее доказываемое обстоятельство, а косвенным – такое, которое устанавливает данное обстоятельство через «промежуточный факт». Обычно в юридической литературе прямым доказательством считают такое, которое прямо устанавливает виновность лица в совершении преступления. В контексте сказанного понятно, что сведения, получаемые в процессе анализа личностных характеристик преступника, прямыми доказательствами не являются, так как прямо не устанавливают виновность лица в совершении преступления.

Косвенное доказательство обосновывает доказываемое обстоятельство не прямо и не непосредственно, а через «промежуточные факты». Так, из сообщения свидетеля о том, что он видел оружие у подозреваемого, прямо следует, что лицо имело возможность совершить убийство (1-я стадия вывода), а из того факта, что лицо имело возможность совершить преступление, следует, что оно, возможно, причастно к убийству (2-я стадия вывода). «Промежуточный факт» в этом примере – знание о наличии у лица оружия, подтвержденное показаниями свидетеля, а содержание его показаний не идентично содержанию доказываемого обстоятельства.

Косвенное доказывание представляет сложный многоступенчатый акт, так как оно изначально прямо подтверждает некоторое промежуточное утверждение, а впоследствии, через это промежуточное утверждение, подтверждает и второе, окончательное утверждение. Содержание косвенного доказательства составляют данные о таких фактах, установление которых составляет не конечную цель, а промежуточный этап конкретного процесса доказывания. Таким образом, косвенным доказательством является такое доказательство, которое в результате многоступенчатой процедуры сначала обосновывает существование промежуточного факта, а затем, через него, – предмета доказывания или его элемента.

А.А. Хмыров констатировал, что специфичность связи при оценке косвенных доказательств позволяет

выделить некоторые их особые виды, в частности доказательства поведения и доказательства подобия («подобные факты») [18. С. 76–92]. «Доказательства поведения» – фактические данные о действиях обвиняемого, выраженные, в частности, в поведении обвиняемого после совершения преступления, обусловливаемые фактом совершения им преступления; действиях, производимых обвиняемым до совершения преступления и представляющих собой подготовку к его совершению; изменениях в поведении обвиняемого после совершения преступления, вызванных совершением преступления» [19. С. 368–375].

К числу косвенных могут быть отнесены и доказательства, устанавливающие «подобные факты». Например, установленное сходство в способе совершения ряда преступлений, объектах посягательства, использование аналогичных уловок и приемов, повторяющихся элементов обстановки совершения деяния, а также наличие у обвиняемого определенных качеств (целей, навыков и т.п.) [20. С. 21–22] позволяют сделать предположительный вывод о совершении всех этих преступлений одним и тем же лицом. Содержательная характеристика доказательств подобия выражается в идентичности поведенческой модели преступника в силу целостности его личности, воплощенной посредством проявления устойчивых характеристик этого лица в его преступной деятельности. Сведения, получаемые в результате отражения личностных особенностей лица, совершившего преступление, в следах преступления выступают в качестве относительно самостоятельной разновидности доказательств подобия.

Пример с наличием у подозреваемого лица оружия как косвенного доказательства его причастности к совершению убийства базируется, как уже говорилось, на схеме «была возможность → может быть причастен». Наблюдается двухступенчатый акт процесса косвенного доказывания. Рассмотрим процесс косвенного доказывания сведений о личности преступника, нашедших отражение в следах преступления. Способ открывания двери обусловлен сформированной совокупностью автоматизированных действий по открыванию двери. Таким образом, процесс косвенного доказывания базируется на трехуровневой схеме «есть способность → была возможность → может быть причастен». Как видно, уязвимость процесса доказывания в рассматриваемом случае повышается. Таким образом, мы приходим к присущей для трактовки поведенческих следов неоднозначности. Однако при рассмотрении поведенческих следов в комплексе достаточность содержательной информации, необходимой для полного описания события преступления (или его элемента) и индивидуализации обвиняемого, резко повышается. Мы полагаем, что сведения, получаемые в процессе анализа личностных характеристик преступника, соответствуют требованиям, предъявляемым к косвенным доказательствам, так как содержат обоснование существования промежуточных фактов (трех и более), а через них – предмета доказывания или его элемента. Таким образом, рассматриваемые сведения выступают разновидностью доказательств подобия, а следовательно, рассматрива-

емая проблема переносится со сферы доказательственной ценности устанавливаемых при профилировании фактов в область оценки этих фактов судом.

Проблема адаптации в криминалистику психологического знания. Отметим, что современная криминалистика прошла стадию накопления эмпирического материала и построения теоретического базиса, наступило время создания эффективных методик, оптимизирующих отдельные аспекты расследования преступлений; алгоритмов, четко предопределяющих наиболее эффективные способы достижения цели. Уровень общих рассуждений и теоретических метаний, например о природе тактического приема, криминалистической характеристике преступного события, следственной ситуации, совершенно не соответствует социальному заказу, стоящему перед криминалистикой. А ведь «критерий истинного развития один – приращение нового знания или уточнение уже имеющегося» [21. С. 143–144]. Но в силу особенности криминалистической материи прецессиональное приращение возможно за счет заимствования с последующей адаптацией достижений других наук.

Об интегративной природе криминалистической науки говорилось немало. Совместно с обобщением практики, интеграция иного знания составляет два основных вектора формирования криминалистического знания [22. С. 16]. К сожалению, если применить данный тезис к отдельным конкретным разделам науки о расследовании преступлений, то легко убедиться в неравномерности интеграции знаний иных наук. Так, криминалистическая теория активно, а может быть, и избыточно активно, заимствует методологию философской науки, криминалистическая техника – методологию наук технических и естественных. Принято считать, что криминалистическая тактика и методика активно заимствуют знания психологические, а криминалистическая методика – знания в области систематизации, начиная от системного анализа и научной организации труда и заканчивая сферой алгоритмизации посредством использования методов компьютерного анализа. Однако не все так однозначно.

Правовые науки никогда не были эмпирическими областями знания, как верно отметил основатель криминастики Г. Гросс [23. С. 6], что в значительной степени затрудняет заимствование из иных эмпирических наук. Однако для наук естественных и технических сказанное выражено в гораздо меньшей степени, чем для наук гуманитарных, к которым почему-то до сих пор относят психологическую науку. Именно для психологического знания наиболее актуально высказывание о том, что «самодостаточность современной криминастики проявляется и в том, что она в последние десятилетия недостаточно внимания уделяет исследованию механизма интеграции в нее достижений других наук» [3. С. 32].

И в отечественной, и в зарубежной криминалистике признается, что «хотя в долгосрочной перспективе психологическая наука имеет очень многообещающее влияние на правовую политику, однако в данный момент это влияние имеет довольно ограниченную тенденцию» [24. С. 498].

В чем же причина подобного подхода к актуальности рецепции психологического знания в криминалистике за рубежом, ведь там нет формально ограниченных направлений научного поиска?

«Действительно, некоторым исследователям правовых систем термин научная психология представляется оксюмороном до такой степени, что они полагают, что в правовой системе не существует концепции психологии как науки. Работники правоохранительных органов полагают, что психологические выводы и идеи сильно зависят от социальной повестки дня. В Соединенных Штатах существует относительно широкое понимание того, что ученые, особенно в социальных и гуманитарных науках, политически и социально мотивированы либеральной повесткой дня» [24. С. 491]. Как видно, за рубежом недоверие к психологии предопределено феноменом политкорректности, о вреде которого говорилось немало.

Отметим, что приведенные причины неактивного использования психологического знания в решении задач, стоящих перед криминалистикой, крайне субъективны и как системные восприняты быть не могут.

Проблема репрезентативности данных о серийных преступниках. Методика криминалистического профилирования, будучи теоретически и методологически состоятельной, на стадии работы с типологическими закономерностями отдельных групп преступников может дать сбой. Причина в том, что типологические модели основных групп серийных преступников строились исходя из анализа личностных особенностей серийных преступников англо-саксонской культурной группы, в основном действовавших на территории Соединенных Штатов Америки. Это оправдано, так как подавляющее большинство серийных убийц (73%) действовали как раз на территории данного государства [25. С. 14].

Сегодня, когда в мировой науке социологического плана доминирует идея мультикультурности, которая по сути сводится к идеи панамериканизма, исследование национально-культурных особенностей отдельных групп преступников не всегда приветствуется. Скажем больше: часто научная общественность их откровенно побаивается, игнорируя понимание того, что «свобода прессы защищает непопулярную печать; свобода слова защищает непопулярную речь – популярные идеи редко нуждаются в защите» [26. С. 149].

Несмотря на сказанное, в литературе порой отмечается актуальность исследования различий серийных преступников – граждан разных государств.

«Серийное убийство редко рассматривается с глобальной точки зрения, и эмпирические исследования серийных убийств преступников по всему миру редки. Существует ряд доказательств, что немецкие серийные убийцы отличаются от серийных убийц в Соединенных Штатах. Это было продемонстрировано в исследовании немецких серийных убийц, показавших, что преступники не имеют один и тот же мотив для каждого эпизода убийства и грабежа» [27. С. 53]. Есть также результаты исследований, которые показывают, что для немецких серийных преступников нетипичны некоторые поведенческие модели безотносительно типа серийного преступника, так «в Германии серий-

ные преступники... редко оставляют послания или берут трофеи» [28. С. 311–333].

Российские исследователи также отмечают, что «отечественные серийные убийцы не являются во всех отношениях копиями их европейских или заокеанских коллег. В отличие от обычно опрятных, ухоженных, подчас внешне респектабельных зарубежных серийников, российские убийцы выглядят не лучшим образом. Их внешний вид соответствует неудачному социальному статусу отверженного» [29. С. 131]. Как видно, такие значимые элементы психологического профиля, как социальный статус и внешний вид, подлежат трактовке через призму российских реалий.

Сложно делать категоричные выводы о взаимосвязи англосаксонской культуры и феномена серийных преступников, однако соотношение между процентом встречаемости серийных преступников в конкретной стране и долей этой страны в мировом народонаселении в очередной раз указывает на свойственность феномена серийных преступлений англосаксонской культуре – США, Великобритания, Шотландия, Австралия, Канада [25. С. 14].

Сказанное означает, что серийные преступники иных культурных систем, отличных от англосаксонской, не могут не иметь выраженных отличий от серийных преступников рассматриваемых стран.

Следовательно, эффективность криминалистического профилирования предопределена также и учетом национально-культурного и экономического фактора, предопределяющего типовые отличия серийных преступников конкретной страны и типовых серийных преступников США.

Кстати, наша страна сейчас не является одним из ведущих государств по распространенности серийных убийц после США. А утверждение о том, что «Советский Союз по числу серийных и массовых убийц, а также количеству их жертв оставил далеко позади все страны мира, кроме своего самого яростного и непримиримого антипода – США» [30. С. 521], просто смешно, если проанализировать статистику серийных преступлений СССР и таких стран, как Великобритания (без Шотландии), Шотландия, Германия, Канада, Австралия, Индия, Италия, Венгрия [25. С. 14]. Однако в известной энциклопедии, посвященной серийной преступности, есть только одна статья, носящая географическое название. Легко догадаться, что речь идет о России [31. С. 240–241]. Конечно, ведь больше государств, в которых встречается феномен серийной преступности, не существует. Классическое формирование штампа в сознании обывателя – необъективное, неправильное, но привязчивое и стойкое.

ЛИТЕРАТУРА

1. O'Hara Ch.E., O'Hara G.L. Fundamentals of criminal investigation. 7-th ed. Springfield, Illinois: Ch. C Thomas Pub Ltd., 2003. 991 p.
2. Рожков В.Д. Криминалистическая характеристика серийных грабежей и разбоев и организационно-тактические особенности их расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 27 с.
3. Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар : КрУ МВД России, 2017. 332 с.
4. Юань В.Л. Биографический метод в системе криминалистических методов исследования личности преступника // Российское правоведение: трибуна молодого ученого : сб. ст. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 274–275.
5. Ведерников Н.Т. Избранные труды. Томск : Изд. Том. ун-та, 2009. Т. 1. 205 с.
6. Откыдач А.О. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.
7. Волынский А.Ф., Лавров В.П. Криминалистика. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 943 с.
8. Lavergne G.M. A sniper in the tower: the Charles Whitman murders. Denton, University of North Texas Press, 1997 324 р.
9. Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. М. : Изд-во ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. 400 с.
10. Бегунова Л.А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 172 с.
11. Малыхина Н.И. Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы / под ред. А.Ф. Волынского. М. : Юрлитинформ, 2016. 312 с.
12. Bevel T., Gardner R.M. Bloodstain pattern analysis: with an introduction to crime scene reconstruction. NY, CRC Press, 2002. 403 р.
13. Овсянников И.В. О проблеме научной обоснованности заключения эксперта // Вопросы экспертной практики. 2017. № 51. С. 257–262.
14. Определения Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 1682-О-О, от 21.10.2008 № 566-О-О
15. Huber R.A., Headrick A.M. Handwriting identification: facts and fundamentals. NY, CRC Press, 1999. 456 р.
16. Глотов О. Вероятность, граничащая с достоверностью (о достоверности экспертизы в ФРГ) // Социалистическая законность. 1978. № 1. С. 81–82.
17. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1973. 736 с.
18. Хмыров А.А. Косвенные доказательства. М. : Юрид. лит., 1979. 184 с.
19. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. 384 с.
20. Винберг А.И., Миньковский Г.М., Рахунов Р.Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Госюриздан, 1956. 219 с.
21. Подшибякин А.С. О сущности и предмете криминалистики и основных направлениях ее разрушения // Правовое и криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности. М. : ЗАО «ЮрИнфоП», 2011. С. 143–144.
22. Tong S., Bryant R.P., Horvath M.A.H. Understanding Criminal Investigation Atrium: Wiley-Blackwell, 2009. 295 р.
23. Gross H. Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students. Boston, Little, Brown, and Company, 1911. 546 р.
24. Wells G.L. Helping Experimental Psychology Affect Legal Policy / Psychology and law: an empirical perspective / ed. by N. Brewer, K.D. Williams. NY, The Guilford Press, 2005. P. 483–500
25. Radford / FGCU Serial Killer Database. URL: <http://library.fgcu.edu/index.html> (Accessed: 04.09.2016).
26. Lavergne G.M. Worse than death: The Dallas nightclub murders and the Texas multiple murder law. Denton, Texas, University of North Texas Press, 2003. 270 р.
27. Häkkänen H. Study of offense patterns and psychopathological characteristics among recidivistic finnish homicide offenders / Serial murder and the psychology of violent crimes / ed. by R.N. Kocsis. Sydney, Humana press, 2008. P. 51–62
28. Harbort S., Mokros A. Serial murders in Germany from 1945 to 1995 // Homicide Studies. 2001. № 5. P. 311–333
29. Корма В.Д., Образцов В.А. Криминалистическое распознавание по делам о серийных убийствах (научная основа и практика): учеб.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2015. 184 с.

30. Ракитин А. «Социализм не порождает преступности». Серийная преступность в СССР: историко-криминалистический анализ. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. 528 с.
31. Эверит Д., Шехтер Х. Энциклопедия серийных убийц. М. : КРОН-ПРЕСС, 1998. 352 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 6 июля 2018 г.

THEORETICAL PROBLEMS OF CRIMINAL PROFILING: CRIMINAL PROCEDURAL, TACTICAL CRIMINALISTIC AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 178–186.

DOI: 10.17223/15617793/434/24

Nikolai T. Vedernikov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Natalia V. Akhmedshina, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

Keywords: serial criminal; serial crimes; criminal profiling; proof.

The article reveals a set of theoretical problems existing in the field of criminal profiling – modeling of the behavior of the offender in the wake of the crime. The range of problems affects procedural, methodological, tactical and forensic, criminal technique and psychological aspects. The result of the study was a motivated list of circumstances whose solution is to allow countering serial crimes with the help of forensic methods. In the conducted research, the general scientific methods of analysis, synthesis, as well as a system-structural method, were used. The private-science methods of biographical analysis, statistical analysis, as well as comparative-historical and expert evaluation methods, were also used in the study. Any applied methodology, and that of criminal profiling is not an exception, has a number of theoretical problems. The article presents the ranking of problems by their importance and complexity, which leads to the formation of the following list of problems: the problem of delimitation of the subject of research from similar studies; the problem of methodological support; the problem of the evidentiary value of profiling results; the problem of adaptation of psychological knowledge for criminalistics; the problem of representativeness of data on serial criminals. The authors draw attention to the fact that the identified problems of criminal profiling are ignored, often for subjective reasons, by the scientific community or are considered from a dogmatic standpoint. Criminal profiling deals not only with a complex of common forensic problems, but also with specific ones. Two of the specific problems include the problem of the probationary status of the conclusion of the profiler and the problem of the doubtfulness of statistical data on the activities of serial criminals. The complex of the described problems requires structural comprehension. In the list of theoretical problems of criminal profiling, the problem of delimiting the subject of research from similar studies is the most urgent, and requires an urgent solution. The authors warn against the recently emerging unscientific perception of the phenomenon of serial crimes as something peculiar to the predominantly domestic (Soviet, Russian) culture.

REFERENCES

1. O'Hara, Ch.E. O'Hara, G.L. (2003) *Fundamentals of criminal investigation*. 7th ed. Springfield, Illinois: Ch. C Thomas Pub Ltd.
2. Rozhkov, V.D. (2003) *Kriminalisticheskaya kharakteristika seriynykh grabezhey i razboev i organizatsionno-takticheskie osobennosti ikh rassledovaniya* [Forensic characterization of serial robberies and plundering and the organizational and tactical features of their investigation]. Abstract of Law Cand. Dis. Moscow.
3. Sokol, V.Yu. (2017) *Krizis otechestvennoy kriminalistiky* [The crisis of domestic criminalistics]. Krasnodar: KrU MVD Rossii.
4. Yuan, V.L. (2016) Biograficheskiy metod v sisteme kriminalisticheskikh metodov issledovaniya lichnosti prestupnika [Biographical method in the system of criminalistic methods of research on the identity of the criminal]. In: Utkin, V.A. (ed.) *Rossiyskoe pravovedenie: tribuna molodogo uchenogo* [Russian law: tribune of the young scientist]. Vol. 16. Tomsk: Tomsk State University. pp. 274–275.
5. Vedernikov, N.T. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
6. Otkidach, A.O. (2013) *Izuchenie lichnosti obvinyamogo na predvaritel'nom sledstvii* [Studying the identity of the accused during the preliminary investigation]. Moscow: Yurlitinform.
7. Volynskiy, A.F. & Lavrov, V.P. (2008) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo.
8. Lavergne, G.M. (1997) *A sniper in the tower: the Charles Whitman murders*. Denton: University of North Texas Press.
9. Obraztsov, V.A. (2004) *Kriminalistika: modeli sredstv i tekhnologiy raskrytiya prestupleniy* [Criminalistics: models of means and technologies of crime disclosure]. Moscow: Izd-vo IMPE-PABLISH.
10. Begunova, L.A. (2002) *Problemy razrabotki i ispol'zovaniya psikhologo-kriminalisticheskogo portreta podozrevaemogo pri raskrytii iznasilovaniy i ubiystv, sopryazhennykh s deystviyami seksual'nogo kharaktera* [Problems of development and use of psychological and forensic portrait of the suspect in the disclosure of rape and murder with the actions of a sexual nature]. Law Cand. Dis. Moscow.
11. Malykhina, N.I. (2016) *Kriminalisticheskoe izuchenie litsa, sovershivshego prestuplenie: teoretiko-prikladnye problemy* [Criminalistic study of the perpetrator: theoretical and applied problems]. Moscow: Yurlitinform.
12. Bevel, T. & Gardner, R.M. (2002) *Bloodstain pattern analysis: with an introduction to crime scene reconstruction*. NY: CRC Press.
13. Ovsyannikov, I.V. (2017) O probleme nauchnoy obosnovannosti zaklyucheniya eksperta [On the problem of the scientific validity of the expert opinion]. *Voprosy ekspertnoy praktiki*. 51. pp. 257–262.
14. Determinations of the RF Constitutional Court no. 1682-O-O of 21.12.2011; no. 566-O-O of 21.10.2008. (In Russian).
15. Huber, R.A. & Headrick, A.M. (1999) *Handwriting identification: facts and fundamentals*. NY: CRC Press.
16. Glotov, O. (1978) *Veroятnost', granichashchaya s dostovernost'yu (o dostovernosti ekspertizy v FRG)* [Probability bordering on reliability (on the reliability of expert examination in the Federal Republic of Germany)]. *Sotsialisticheskaya zakonomost'*. 1. pp. 81–82.
17. Zhogin, N.V. (ed.) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskoy ugolovnoy protsesse* [Theory of proof in the Soviet criminal procedure]. Moscow: Jurid. lit.
18. Khmyrov, A.A. (1979) *Kosvennye dokazatel'stva* [Indirect evidence]. Moscow: Jurid. lit.
19. Strogovich, M.S. (1955) *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskoy ugolovnoy protsesse* [Material truth and forensic evidence in the Soviet criminal procedure]. Moscow: USSR AS.
20. Vinberg, A.I., Min'kovskiy, G.M. & Rakunov, R.D. (1956) *Kosvennye dokazatel'stva v sovetskoy ugolovnoy protsesse* [Indirect evidence in the Soviet criminal procedure]. Moscow: Gosurizdat.
21. Podshibyakin, A.S. (2011) *Pravovoe i kriminalisticheskoe obespechenie operativno-rozysknoy deyatel'nosti* [Legal and forensic support of operative investigative activities]. Moscow: ZAO "YurInfoR". pp. 143–144.
22. Tong, S., Bryant, R.P. & Horvath, M.A.H. (2009) *Understanding Criminal Investigation*. Atrium: Wiley-Blackwell.

23. Gross, H. (1911) *Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students*. Boston: Little, Brown, and Company.
24. Wells, G.L. (2005) Helping Experimental Psychology Affect Legal Policy. In: Brewer, N. & Williams, K.D. (eds) *Psychology and law: an empirical perspective*. NY: The Guilford Press.
25. Radford / FGCU Serial Killer Database. [Online] Available from: <http://library.fgcu.edu/index.html>. (Accessed: 04.09.2016).
26. Lavergne, G.M. (2003) *Worse than death: The Dallas nightclub murders and the Texas multiple murder law*. Denton, Texas: University of North Texas Press.
27. Häkkänen, H. (2008) Study of offense patterns and psychopathological characteristics among recidivistic Finnish homicide offenders. In: Kocsic, R.N. (ed.) *Serial murder and the psychology of violent crimes*. Sydney: Humana press.
28. Harbort, S. & Mokros, A. (2001) Serial murderers in Germany from 1945 to 1995. *Homicide Studies*. 5. pp. 311–333.
29. Korma, V.D. & Obraztsov, V.A. (2015) *Kriminalisticheskoe raspoznavanie po delam o seriyakh ubiystvakh (nauchnaya osnova i praktika)* [Forensic recognition in serial murder cases (scientific basis and practice)]. Moscow: Yurlitinform.
30. Rakitin, A. (2016) “*Sotsializm ne porozhdaet prestupnosti*”. *Seriynaya prestupnost' v SSSR: istoriko-kriminalisticheskiy analiz* [“Socialism does not breed crime”]. Serial crime in the USSR: historical and criminalistic analysis]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.
31. Schechter, H. & Everitt, D. (1998) *Entsiklopediya seriyakh ubiyts* [The A to Z Encyclopedia of serial killers]. Translated from English. Moscow: KRON-PRESS.

Received: 06 July 2018